

толкал правительство на заключение сепаратного мира с Германией. Кроме того, неназванный источник во Временном правительстве намекнул, что генерал Верховский предложил сделать его диктатором.

Судьба Верховского была решена. Правительство отправило его в «двухнедельный отпуск». Керенский потребовал от Верховского обещания немедленно покинуть Петроград. Взамен появилось сухое официальное коммюнике, отрицавшее, что Верховский предлагал сепаратный мир.

Единственный человек во Временном правительстве, который еще пытался (возможно, неуклюже) проявить творческую инициативу, был выброшен за борт.

Глава 19

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Яркой особенностью 1917 г. был беспрецедентный рост партии социалистов-революционеров. На первом Съезде городских Советов социалисты-революционеры и сочувствующие им имели больше 300 представителей — почти втрое больше, чем фракция большевиков. В новой Петроградской думе эсеры были самой многочисленной фракцией: сначала они имели 54 места, а после дополнительных выборов — 75. В Московской думе они имели 226 мест, то есть около 60% от ее общего состава. В обеих столицах эсерам принадлежало большинство.

На Первом Всероссийском съезде крестьянских Советов 776 опрошенных делегатов разделились следующим образом: социал-демократы (большевики, меньшевики и т. д.) — 103, беспартийные — 136, социалисты-революционеры — 537. Когда большинство в Петроградском совете перешло к большевикам, 5 мест в президиуме осталось за оппозицией, в том числе 3 за эсерами и 2 за меньшевиками. На августовских выборах в Петроградскую городскую думу большевики почти удвоили свое представительство, получив 67 вместо 37 мест. Несмотря на полный крах народных социалистов (2 места вместо 17) и меньшевиков (8 вместо 40), социалисты-рево-

люционеры не только сохранили свое представительство, но получили еще 21 место.

Даже октябрьский переворот не смог сразу выбить эсеров из седла. Несмотря на поток заманчивых декретов нового правительства, несмотря на все меры давления, применявшиеся Военно-революционными комитетами, вера масс в эсеров еще раз принесла им блестящую победу на выборах в Учредительное собрание. Сам Ленин признал, что из 36,2 миллиона голосов большевики получили только 9 миллионов, в то время как за русских социалистов-революционеров проголосовало 15,5 миллиона, а с учетом эсеров других национальностей почти 21 миллион, то есть 58% от общего количества.

Но сама сила партии была источником ее слабости. В ряды эсеров неудержимо устремилась пестрая и многоликая улица. Это напоминало бегство овечьего стада. Люди, которые вчера понятия не имели ни о каких партиях, сегодня называли себя социалистами-революционерами и решали вопросы партийной жизни. Ничтожная горстка старых эсеров тщетно пыталась справиться с сырой, неоформленной массой, которая заполонила партию. Ни в какой другой партии переход от старого «скелета» к новому живому организму не был таким беспорядочным; тем более что в предшествующий период смертельной борьбы с самодержавием ни одна партия не понесла столько жертв и не была так обескровлена. Григорий Гершуни — возможно, величайший революционер на свете, организатор партийных боевых групп — умер в царской тюрьме десять лет назад. Михаил Гоц, человек замечательных способностей и неиссякаемой энергии, прозванный «партийной совестью», умер от таинственной болезни, обострившейся в неаполитанской тюрьме, куда его посадили по настоянию царского правительства. После этих потерь Виктор Чернов, создатель «военной доктрины» партии, теоретик движения, чувствовал себя в полном одиночестве.

В годы мировой войны его изоляция усилилась. Как все партии Второго интернационала, социалисты-революционеры резко разделились на две части, одна из которых считала эту войну «своей», а другая — «чуждой» социалистам. Подавляющее большинство лидеров эсеровской эмиграции заняло ту же

позицию, что Шейдеман и Носке в Германии. Напротив, Чернов приветствовал лозунги Ромена Роллана и других пацифистов, которые пытались подняться *audessus de la melee* [над схваткой (*фр.*). — *Примеч. пер.*] и поддержать антивоенные протесты Либкнехта в Германии и Фридриха Адлера в Австрии. Он участвовал в Циммервальдской антивоенной конференции социалистов. Однако его группа была ослаблена стремлением части ее примкнуть к так называемым «крайне левым циммервальдцам» — отдельной фракции, созданной Лениным, Радеком и Платтеном и поддерживавшей парадоксальную идею о том, что пролетариат каждой страны должен бороться за поражение своего правительства. Чернов пытался провести партию между Сциллой и Харибдой, между лозунгами «Все для победы», «Война до победного конца» и их противоположностью, которой стала тактика «пораженчества».

Естественно, лозунг «Война до победного конца» толкал его сторонников к коалиции с промышленной буржуазией, которая, в свою очередь, отказывалась порывать с поместной аристократией и кастой генералов. Для сохранения такой коалиции требовалось отложить социальные реформы. Противоположный фланг, в который входили молодежь, рабочие, а местами даже крестьяне, стремился к другой крайности. Стремление как можно скорее остановить войну заставляло их примыкать к большевикам. Недовольное концепцией «революции трудящихся», занимающей промежуточное положение между классической буржуазной и всеобщей социалистической революциями, левое крыло эсеровской партии начало мечтать о дерзком эксперименте «введения социализма» с помощью одного радикального декрета.

К этим внутрипартийным разногласиям добавлялось еще одно. Почти во всех социалистических партиях их парламентская фракция была более правой, чем центр. Долго существующее и прочное правительство стремится сгладить эту разницу, но при зарождении представительных органов власти она бывает очень велика. В партии социалистов-революционеров между центром, которым руководил Чернов, и думской группой Керенского существовало сильное расхождение. Партия, которая вела террористическую борьбу с правительством, не

имела своего представительства в Думе. Керенский, называвший себя социалистом-революционером, руководил думской фракцией трудовиков — наполовину социалистической, наполовину мелкобуржуазной группой с примесью народничества; в этой группе он играл роль карликового диктатора, с которой никогда не мог расстаться.

Внутри партии эсеров он с начала и до самого конца оставался «вещью в себе», самовольным и капризным политическим партизаном. Естественно, его псевдоромантическая личность и громкое имя привлекли в партию так называемых «мартовских эсеров» — гибридную группу, руководствовавшуюся стадным инстинктом, модой на эсеровскую философию, ореолом прошлой героической борьбы или просто соображениями карьеры. Эти люди сделали Керенского живым знаменем, восхищаясь его умением сколачивать коалиции и манерами диктатора. Все они присоединялись к правому флангу партии, который оставался эсеровским только по названию.

В мае был созван Третий Всероссийский партийный съезд. Он должен был показать мощь этих двух центробежных сил и проверить на прочность центр партии. Перед началом съезда часть правого крыла основала в Петрограде новую газету под названием «Воля народа», конкурировавшую с официальным органом партии «Дело народа». На съезде та же группа впервые в истории партии сделала попытку организовать фракцию сочувствующих «Воле народа». Попытка оказалась безуспешной, но она заставила левых создать свою фракцию, отдельную и намного более многочисленную. Встревоженные сторонники партийного единства могли ответить на это только одним — созданием фракции центра. Борьба была нешуточная, но за резолюции, предлагавшиеся центром, голосовало подавляющее большинство. В итоге политика, сформулированная Черновым, получила одобрение съезда. Эта политика основывалась на борьбе за мир, при котором побежденных не будет и ко всем станут применять общие нормы международного права, а также на стимулировании нового революционного правительства с помощью конструктивной социалистической политики в области рабочего и аграрного законодательства. Целостность партии проявилась в поддержке программы, предложенной

центром. Казалось, единодушные съезда гарантировало всеобщее стремление к демократическому миру и социальному прогрессу внутри страны.

Таковы были итоги Третьего съезда. Однако в период между маем и октябрём 1917 г. намеченную им программу выполнить не удалось. Эсеровские министры не были единой группой. Попытки Чернова реализовать аграрную политику партии привели к его изоляции внутри правительства, а затем и к отставке. Лидеры партии принесли политику Чернова в жертву коалиции. Вместо того чтобы перенести центр тяжести в сторону социализма, как происходило во всей стране, Керенский постоянно перекраивал правительство, заменяя социалистов, преданных партии, угодливыми беспартийными «социалистами». Партия терпела это положение так долго, что падение Временного правительства, которое она тщетно пыталась защитить, стало катастрофой и для нее самой.

Партия эсеров не реализовала собственную политику, политику Третьего съезда. Ее курс сместился вправо. Чем было вызвано это смещение? Следующий партийный съезд осудил Центральный комитет за слабое руководство, терпимость к нарушениям партийной дисциплины и неумение воплотить в жизнь решения партии. Но для историка это несущественно; он ищет не конкретных «виновников», а объективные причины. Четвертый съезд назвал причиной случившегося неоднородность Центрального комитета, который превратился в «парламент мнений» с нестабильным и зыбким большинством. Третий съезд, собравшийся после пугающе долгого перерыва, избирал Центральный комитет вслепую. Кроме того, во время революции взгляды многих видных членов партии претерпели эволюцию. Теоретически левые лидеры, приняв на себя ответственность за всю сложную закулисную «кухню», межпартийные и внутриправительственные соглашения и комбинации, все сильнее и сильнее сворачивали вправо. Многие теоретически правые (как самарская группа), вынужденные руководить крестьянским движением в своих губерниях, принимали тактику доморощенного местного революционного законодательства и объявляли декреты коалиционного правительства «ничтожными». Все это подрывало позиции центрального руководства.

Победа центробежных сил над центростремительными, характерная не только для русской, но и для других революций, ставших результатом военного поражения, произошла во всех ведущих партиях, выразившись в ослаблении центра и усилении флангов. Судьба партии социалистов-революционеров, если смотреть на нее *sub specie aeternitatis* [с точки зрения вечности (лат.). — Примеч. пер.], стала только отражением судьбы революции.

Отдельные группы и личности были всего лишь более или менее слепым орудием этого исторического процесса. Едва ли Керенский, который на короткое время стал кумиром улицы, живым знаменем «мартовских социалистов», хотел сознательно лишить революцию ее прочного фундамента — единой партии социалистов-революционеров, чувствовавшей биение пульса русской истории. Если сначала он ненавидел Милюкова, затем перенес эту ненависть на Церетели, а в конце концов — на Чернова, то лишь потому, что искренне считал каждого из них партийным сектантом, неспособным «мыслить по-государственному». Себя же он считал непонятым, жертвой бесчисленных завистников. Исчерпав изобретательность адвоката, энергию маньяка и красноречие невротика в попытке совершить невозможное — объединить буржуазию и националистов с революционерами и интернационалистами, — Керенский пришел ко вполне естественному для него выводу: партии и классы со своими отдельными интересами, а особенно вожди партий и классов являются лишь препятствием на пути настоящего государственного деятеля. Невозможность создать коалицию *партий* привела Керенского к идее ее замены коалицией *людей*. Поэтому от «правительства народного доверия» следовало перейти к «директории», диктатуре трех—пяти человек, от которой оставался один шаг до индивидуальной диктатуры. В глубине души Керенского всегда тянуло к диктатуре, но внешне он сопротивлялся этому желанию.

То, что Керенский формально числился эсером, создавало для партии огромные сложности. Она несла за него ответственность как за одного из своих вождей, хотя в рядах партии он был таким же чужеродным элементом, как человек с другой

планеты. Его политика полностью противоречила платформе социалистов-революционеров. Но порвать с ним становилось все труднее и труднее, поскольку это означало бы попытку сформировать относительно однородное правительство демократии трудящихся с оттенком социализма. Это означало бы разрыв с партией меньшевиков, которая оспаривала данную идею с пеной у рта. Существовала и опасность раскола внутри партии, создания «национальной партии социалистов-революционеров» и ухода многих людей с громкими именами. Раскол накануне выборов в Учредительное собрание мог лишить партию всех ранее достигнутых успехов. Группа центра во главе с Черновым не могла с этим мириться. Больше всего ее ограничивала ненадежность сильно раздутого левого фланга, который демонстрировал сильный психологический «крен к большевизму». Левые эсеры уже приняли лозунг «Вся власть Советам», имея в виду вовсе не формирование правительства из лидеров советских партий, а превращение Советов в орган непосредственного осуществления государственной власти. Они ощущали соблазн немедленной реализации общей программы построения социализма, установления диктатуры партии эсеров и Учредительного собрания под дулами кронштадтских пушек; иными словами, выполнения программы большевиков под маской народничества.

По закону психологической реакции энтузиазм левого крыла толкал часть центристов направо, в то время как корыстная и капитулянтская коалиционная политика правых толкала других членов центра в объятия левых. Поляризация усиливалась, и центр таял с каждой минутой.

В таких условиях центру приходилось нелегко. Ему было бы нелегко даже в том случае, если бы сохранилось старое ядро партии во главе с Черновым, Михаилом Гоцем и Григорием Гершуни. Но оставался один Чернов, больше теоретик, оратор, публицист, лектор и ученый, чем профессиональный политик. Истинно славянская широта натуры, мягкость и уступчивость сочетались в нем с тенденцией уходить в мир идей, социальных диагнозов и прогнозов, умственной инициативы и творческого воображения и предоставлять конкретную организацию текущей работы другим.

Чернов доверял людям больше, чем следует политику. На первых порах он с более молодым Гоцем протянул руку Керенскому, юная сила и огромная популярность которого могли пойти на пользу партии. Однако популярность Керенского была неглубокой, ей еще только предстояло проникнуть в массы. Гоц и Чернов строили планы: Керенский возглавит правительство, подпишет декрет, запрещающий все сделки с землей, свяжет свое имя с традиционной крестьянской мечтой об изъятии земли у помещиков, с мечтой о свободном доступе к земле для тех, кто ее обрабатывает. Казалось, Керенский с этим согласен, но выяснилось, что нет. Он не хотел терять популярность у цензовой публики. В конце концов с этими планами и надеждами пришлось расстаться. Чернов долго не желал приносить в жертву надежды, которые он возлагал на Керенского. Он написал декларацию, которая должна была определить связь Керенского с партией, без ведома коей последний вошел в буржуазное правительство. На Третьем съезде Чернов искренне заступался за Керенского перед ненавидевшими его левыми и произнес целую речь в его защиту. Однако это не спасло Чернова от подозрений восторженных поклонников Керенского в том, что именно из-за него Керенского не выбрали в Центральный комитет. Смертельно обиженный Керенский готовно поверил в эту легенду, поскольку впоследствии (особенно после того, как он убрал из правительства Церетели) Чернов жестоко разочаровался в нем, а после корниловского мятежа начал считать связь с ним роковой для партии.

После ухода из правительства четырех кадетов, а затем князя Львова Чернов пришел к следующему выводу: если мы хотим, чтобы великороссы жили в мире и дружбе с национальными меньшинствами под властью одного правительства, то должны предложить тщательно разработанный проект федерального государственного устройства; это означает, что правительству придется обойтись без кадетов. Если мы хотим избежать пугачевщины, то должны вести энергичную и радикальную политику, облегчающую доступ крестьянина к земле; это опять же означает, что придется управлять без кадетов. Если мы хотим избежать дальнейшего падения пострадавшей от войны наци-

ональной экономики за счет забастовок и локаутов, то должны ввести контроль над производством, ограничение прибыли и фиксацию заработной платы; следовательно, мы должны править без кадетов. Если мы хотим поднять боеспособность армии, то должны опровергнуть дезорганизующую мысль о том, что если Россия отказывается от аннексий и контрибуций для себя, то армия вынуждена воевать за аннексии и контрибуции для союзников; поэтому мы должны оказать сильное давление на союзников, чтобы опубликовать условия подлинно демократического мира; следовательно, в международных отношениях нам придется представлять Россию без кадетов. Чернов сделал об этом доклад перед многочисленной аудиторией на частном «собрании старых партийных лидеров».

Однако в Центральном комитете партии, избранном Третьим съездом, он столкнулся с сопротивлением, которого трудно было ожидать после принятых съездом резолюций. Позиция партийного руководства оставалась неопределенной до самого корниловского мятежа. Только после этого произошли давно ожидавшиеся перемены. В частности, попытка Керенского сделать свое правление еще более неподотчетным с помощью концентрации власти в руках узкой «директории» встретила решительное и единодушное сопротивление. Центральный комитет партии принял резолюцию Чернова, отвергавшую возможность любого союза с кадетами.

Однако 4 и 12 сентября Центральный комитет вновь подтвердил желательность расширенной коалиции с цензовой демократией, которая будет подотчетна предпарламенту; при этом резолюция о невозможности коалиции с кадетами оставалась в силе. Резолюция также предусматривала принцип *единого голосования* для всех членов Центрального комитета; несогласным предоставлялось право «воздержаться без объяснения причин». Через две недели к этому решению добавился пункт о том, что все члены Центрального комитета должны активно проводить его политику и обязаны полностью воздержаться от «индивидуального голосования против мнения Центрального комитета».

Эти решения, принятые накануне Демократического совещания, связали Чернова по рукам и ногам и еще более ос-

лабили его позицию. Он был наиболее последовательным политиком в партии эсеров, но ему мешало множество препятствий. Несмотря на его упорство, временами доходившее до порывистости, несмотря на решимость защищать свои главные цели, он не всегда проявлял эти качества в повседневной политике. Это требовало большей концентрации воли и большего умения не разбрасываться, чем было свойственно его типично русской натуре. Для профессионального политика он придерживался слишком демократических привычек и не обладал честолюбием и властолюбием, которые необходимы для успеха на политической арене. Его полностью удовлетворяли успехи на поприще лектора и публициста, не имеющие политического веса. Он пытался личным примером показывать, как следует соблюдать партийную дисциплину; возможно, это было благородно, но непрактично. Когда конференции и съезды Советов решали насущные вопросы, ему часто приходилось молчать или воздерживаться при голосовании, чтобы не нарушать то или иное противоречивое решение Центрального комитета, принятое незначительным большинством голосов, в то время как другие члены комитета не обращали на эти решения никакого внимания. Он все еще жил по законам того времени, когда лидеры партии были морально едины. Но те времена остались в далеком прошлом.

В 1917 г. верхи партии были столь далеки от низов, что человек с характером Ленина мог бы многого достичь, ставя ультиматумы руководству партии, подкрепляя эти ультиматумы призывом к рядовым членам. Критические обстоятельства слишком часто требовали резкого поворота руля, но усилия Чернова ослаблял страх за судьбу партии. Он действовал менее твердо и решительно, чем требовалось для принятия его точки зрения, иногда опасаясь разорвать и без того ослабевшие партийные узы, иногда боясь сбить с толку местные партийные организации своей личной борьбой с Керенским, иногда надеясь, что тактика выжидания и откладывания конфликта поможет выяснить, кто был прав, а кто нет, и безболезненно выправить партийную линию. Возможно, эти причины были уважительными, но следует признать, что Чернов принес в жертву фетишу недостижимого партийного единства

активную защиту той самой программы, которую партия формально одобрила по его инициативе.

Через полгода после Третьего съезда партийная линия еще больше сместилась вправо. Дело дошло до того, что цикл статей Чернова, предупреждавших о приближении катастрофы, не был опубликован в центральном органе партии даже как его личное мнение. Центральный комитет решил, что партия слишком привыкла воспринимать статьи Чернова как официальную позицию руководства, что их отклонение от курса комитета может сбить с толку рядовых членов. Но и тут Чернов подчинился дисциплине и стал терпеливо ждать созыва Четвертого съезда. Съезд состоялся и единодушно поддержал резолюции черновского «левого центра», осудил колебания Центрального комитета и его неспособность добиться соблюдения партийной дисциплины. К несчастью, скорость развития исторических событий опередила ход неповоротливой партийной машины. Съезд удалось собрать лишь после большевистского переворота. Линию партии выправили, но было уже слишком поздно.

Глава 20

СПОЗАНИЕ К БОЛЬШЕВИЗМУ

У партий, составлявших большинство в Совете, оставался еще один козырь: Демократическое совещание.

Оно открылось 14 сентября. Керенский сделал сенсационное заявление: роль диктатора предлагали ему еще до Корнилова. От ответа на вопрос, кто именно сделал ему такое предложение, он ушел. Он заверил совещание, что хотя утвердил закон о восстановлении смертной казни на фронте, но вычеркнул из него одну фразу; таким образом была спровоцирована совершенно не нужная шумиха вокруг закона.

Затем начались бурные дебаты. Совещанию были представлены две резолюции. Одна предлагала исключить из коалиции «те элементы конституционно-демократической партии [кадетов. — *Примеч. авт.*] и других партий, которые были замешаны в корниловском мятеже». Вторая резолюция была